

«Высокие интеллектуальные технологии образования и науки».

Материалы X Международной научно-методической конференции. С.208-216, 2003. © Санкт-Петербургский государственный технический университет, 2003

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК ОСНОВА НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Алмазова Н.И.

*Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов*

Подготовка высоко профессионального специалиста предполагает использование высоких интеллектуальных образовательных технологий, позволяющих раскрыть весь личностный потенциал выпускника высшего учебного заведения, определяющий его (выпускника) место на конкурентном рынке труда. Коммуникативный потенциал личности может зачастую стать тем конкурентным преимуществом, которое определит значимость специалиста для работодателя. Способность к иноязычной коммуникации повышает рейтинг специалиста, поэтому подготовка по иностранным языкам в неязыковых вузах становится одним из значимых факторов при выборе абитуриентами своего профильного вуза. Это, в свою очередь, обязывает по-новому подходить к вопросу о методическом и педагогическом обеспечении образовательного процесса, разработки новых образовательных концепций, формирующихся на стыке различных исследовательских парадигм. Одним из таких подходов является учет межкультурных различий, которые определяют эффективность иноязычной коммуникации и направлены на заполнение культурных лакун и формирование языковой личности. В контексте формирования новых образовательных программ при определении конечной цели обучения иностранным языкам в вузе акцент должен быть смещен на формирование межкультурной компетентности (МКК) как неотъемлемой части иноязычной коммуникативной профессиональной компетентности. Но осознание важности культурологического подхода – лишь первый шаг на пути создания целостной методико-филологической модели, направленной на формирование МКК.

При всем многообразии существующих в литературе определений языка, его сущности и функционального назначения общим выступает такое представление: это семиотическая система, служащая общению людей, их познанию и самопознанию; это способ и средство существования человеческого сознания и универсальная способность человека к общению. Реализация функций языка осуществляется в диалогических формах, что кратко и выразительно сформулировал академик Л.В.Щерба: "Подлинный свой быт язык обнаруживает в диалоге. В диалоге куются новые слова, формы, обороты" (Щерба 1915: 4). Диалог многозначен и открыт для интерпретации, поскольку представляет собой новое знание и осуществляет достижение консенсуса на основе этого знания. Это целостный дискурсивный процесс обмена мыслями,

чувствами, отношениями между партнерами по общей для них проблеме в виде речевой деятельности: цепь логически и содержательно связанных речевых реплик или высказываний непосредственно общающихся людей.

Инвариантным для разных трактовок диалога является признак взаимодействия. В понятии "диалогическое взаимодействие"(ДВ) акцентируются:

- деятельностный аспект, а именно то, что это явление речевой деятельности;
- коммуникативный (интерсубъективный) аспект – момент совместной деятельности, соединенности (смысловой, логической, психологической, интенциональной) партнеров по общению;

- структурно-функциональная противопоставленность позиции "Я" и "ТЫ", выраженных в иницирующей и реагирующей репликах, отражающих мнения, суждения, эмоции участников взаимодействия;

- социокультурный аспект, отражающий взаимодействие двух концептуальных систем, сформированных в процессе социокультурного развития личностей, которые обладают набором конкретных характеристик, ролей, отношений в системе социума.

Диалогическое взаимодействие, рассмотренное в деятельностном аспекте, может обозначаться также как диалогическая деятельность. Культурологический подход с использованием обозначенных выше постулатов дает основание говорить о культурологической парадигме ДВ. Несколько идей выступают при этом в качестве исходных.

Диалогическое взаимодействие является отражением культуры. Оно выявляет особенности породившей его культуры. Диалогическая деятельность не существует сама по себе, она осуществляется людьми, принадлежащими определенной культуре. Они впитывают характерные для данной культуры идеологические установки, нравственные позиции, эстетические критерии, осознают материально-технические возможности. Действуя внутри культуры и создавая ее, человек одновременно ею формируется, так как культурные универсалии (комплекс мировоззренческих, ценностных ориентации) определяют то, что воспринимает человек из наследственного социального опыта, обуславливают концептуальный строй людей социально-исторической эпохи. Культурные реалии устанавливают матрицы человеческой деятельности, куда включаются отношения субъекта к объекту и субъекта к субъекту, определяются векторы понимания, переживания и осмысления мира. Все это находит свое выражение в способах осуществления диалогического взаимодействия. Оно является зеркалом культуры, отражает то, что в ней достигнуто. Культура по отношению к биологической деятельности выступает и как внешний (объясняющий, детерминирующий) фактор, и как внутренний (содержательный) фактор. ДВ по отношению к культуре играет в основном роль внутреннего (отражательного) фактора ее развития, ее подсистемы (М.С.Каган называет общение "второй спиралью культуры" (Каган 1991)). В некоторой степени оно представляет внешний момент, так как направлено на самореализацию личности человека (который является и деятелем культуры) с помощью языковых средств. Культура создает необходимый фундамент для реализации диалогической

деятельности, является ее объектом. Система культурных традиций влияет как бы извне на процесс коммуникации, образуя основу формирования социальных отношений в рамках этой деятельности, соответствующих установок, общих для участников диалогического общения. Культура рассматривается как пространство, базис, из которого черпается духовное богатство, выраженное в языковых формах.

Как внутренний фактор культура проявляет себя в структуре диалогических текстов через культурные коды, в которых реализуются общественные знания, мнения, правила. Р. Барт выделил следующие культурные коды, которые, переплетаясь в тексте, структурируют его как единое социокультурное и коммуникативное целое: социо-исторический (знания о времени, стране, обществе); научный (знания о достижениях науки); хронологический (организация дат в тексте); топографический (организация пространства в тексте); ономастический (код собственных имен); риторический (социальные нормы организации речи); акциональный (порядок следования действий в тексте); нарративный (организация повествования); фатический (формы обращений); герменевтический или энигмационный (постановка и разрешение загадки, тайны, вопроса текста); металингвистический (текст о тексте) и другие коды (Barthes 1988: 232-291). Структура кодов в ДВ реализует функцию культуры как механизма наследования, сохранения и передачи памяти общества.

Внутренний аспект культуры в ДВ реализуется не только через культурные коды, но и через культурно-обусловленные сценарии – некие подсознательные нормы, которыми обычно руководствуются носители языка, принадлежащие к определенной культуре (Вежбицка 1990: 63; Wierzbicka 1992). Так, например, англо-американская культура в своей главной тенденции делает акцент на том, чтобы обеспечить каждому свободу и независимость самовыражения при условии запрета на навязывание другому своей воли и вмешательства в его дела. Представление о ненавязчивости как особой ценности, основанной на правах личности, – это не универсальная, а специфически англо-саксонская или англо-американская культурная реалия (Matsumoto 1988: 410). Одна из фундаментальных ценностей японской культуры – сдержанность, самообладание (Smith 1983: 44). Один из путей проявить свою сдержанность – это по возможности избегать оценок, выражений своих желаний, стремлений, требований или отказов, уклоняться от всякого выбора. В японской культуре ценностной доминантой является постоянная оглядка на то, чтобы не задеть чувства и не нанести обиды другому. В еврейской культурной традиции всячески поощряется открытое выражение любых противоположных позиций, конфронтация мнений, что считается проявлением непосредственности, тесной связи друг с другом и взаимного доверия (Blum-Kulka 1985). В русской культуре важна ценностная ориентация на тесноту контактов и теплоту чувств в общении, что совершенно не характерно для японской и англо-американской культур (Уфимцева 1995; Comrie 1984).

Диалогическое взаимодействие само предстает в качестве явления культуры. Оно выступает моментом, условием и способом рождения человека (Батенин 1994: 85), так как только в диалогическом взаимодействии с другими людьми и культурой вообще возможно станов-

ление и развитие самой культуры. ДВ есть форма творения социальности, выработки новых типов бытия людей через идеальное проигрывание различных вариантов. В нем конструируется коммуникативное пространство, снимается отчужденность характера связей людей, отношений общества и личности, благодаря чему диалог рассматривается в предельном смысле как "способ восхождения к свободе" (Терехин 1990: 27).

Диалог – это акт общения, развивающийся и в синхронии, и в диахронии, движение от человека (с помощью языковых средств) к другому человеку как к равному себе субъекту. Это пересечение миров двух "Я", а, как отмечает А. Белый, "культура всегда есть культура какого-то "Я" (Белый 1990: 91). В диалоге осуществляется встреча двух культур – индивидуальных (тех моментов, которые стимулируют потребность в общении) и универсальных (тех моментов, которые приобретаются индивидом через трансляционные механизмы, являющиеся общими для индивидов, принадлежащих одной культурно-исторической и языковой общности, и создают основу для достижения взаимопонимания, гармонии мнений и чувств) (Белоусов 1990: 27).

В аспекте культурологической парадигмы важно подчеркнуть ценностный характер диалогического взаимодействия как явления культуры. Он свойствен всем коммуникантам и этапам процесса. Сам акт диалогического взаимодействия представляет собой явление культуры. Содержание ДВ – текст – относится к фактам культуры. Это и система ценностных отношений коммуникантов, процесс оценки содержания сообщения, условий, в которых протекает диалог, а также взаимной оценки друг друга.

Для теоретического представления диалогического взаимодействия в культурологической парадигме методологически важен тезис о том, что ДВ – это одна из форм самореализации личности, а в развитии личности, человеческих способностей каждого члена общества заключен важнейший человеческий смысл культуры. "Культура, – отмечал А.Белый, – определяется ростом человеческого самосознания. Она есть рассказ о росте нашего "Я" (Белый 1990: 93).

Проявление личностного начала в ДВ определяет смысл персонологического аспекта культурологического подхода по отношению к диалогическому взаимодействию. Он заключается в анализе субъектов, принимающих участие в коммуникативном акте: он может вестись по разным направлениям, но связан с выяснением субъективных, личностных условий успешности реализации диалога, эффективности осуществления коммуникативных намерений. Одно из направлений связано с рассмотрением слушающего и говорящего в аспекте особенностей протекания процессов их деятельности. Здесь говорящий и слушающий предстают как субъекты, обладающие определенным набором психологических, функциональных, физиологических, социальных особенностей, коммуникативных знаний и умений (коммуникативной компетентностью) (Богданов 1990; Заикин 1990).

Персонологический аспект ДВ разрабатывается в русле создания теории языковой личности.

В лингвистике языковая личность понимается как совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, точностью и глубиной отражения действительности, определенной целенаправленностью (Караулов 1987: 245). Языковая личность владеет дискурсными способностями на уровне всех фаз интеллектуального акта, а именно ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формирования плана действий в речевой форме, контроля и корректировки речевых действий (Пушкин 1990: 52). Дискурсные особенности реализуются по трем уровням. Первый уровень включает в себя действия и операции семиотической деятельности. Дискурсные способности второго уровня отвечают за адекватное отображение в дискурсе фрагментов реального и возможного мира. Дискурсные способности третьего уровня ориентированы на уместность использования вербализованных актов в социальном взаимодействии людей. В зависимости от реализации дискурсных способностей в форме определенных диалогических стратегий могут выделяться особые типы языковых личностей: авторитарный, демократический, либеральный, ироничный, интраверсный, экстраверсный и т.п. (Ляпон 1995; Пушкин 1989; Wilks 1979). Однако дальнейшая разработка языковых личностей на основе доминирующих типов речевых ходов, приемов, тактик и стратегий, способов реализации коммуникативных постулатов, характера координирования речевых действий является одной из актуальных задач на современном этапе, так как речевая деятельность всегда имеет личностную определенность и личностную направленность.

Языковые явления не могут быть поняты вне общекультурного компонента из-за связи процессов мышления, познания, формирования языковой личности как явлений культуры. Широкий круг социокультурных факторов и процессов – интеллектуальных, эмоциональных, социальных – обуславливают индивидуальные языковые характеристики и специфику языка, функционирующего в обществе на том или ином историческом этапе. В связи с этим не представляется случайным, что в лингвистике начинает осваиваться пространственное поле культурологического подхода к изучению языка. Следует отметить определенные достижения в этом направлении, связанные с преподаванием иностранных языков. Наиболее последовательное стремление к включению явлений культуры в систему языковых явлений в учебном процессе наблюдается в работах В.В.Сафоновой, которая считает, что социокультурное образование средствами иностранного языка дает знание определенных пластов культуры и путей их взаимосвязи (Сафонова 1992). В этом же русле выполнено исследование В.П.Фурмановой, в котором она в качестве основной цели лингвокультуроведения рассматривает формирование межкультурной компетенции, культурного фона и культурного модуса поведения в условиях контрастивного подхода к изучению двух и более культур (Фурманова 1993). Б.А.Глухов и А.Н.Щукин оперируют понятиями "лингвокультурология" (Глухов 1993: 93) и "межкультурная компетенция", рассматривая их в системе культурного контекста, дополняющего изучение языка.

В названных работах очевидна недостаточная разработанность терминологического аппарата лингвокультурологии, которая рассматривается пока односторонне, преимущественно в дидактическом аспекте, при котором, как отмечает Ю.Е.Прохоров, "лингвокультуроведение" выступает как замена "страноведения" (Прохоров 1995). Потребность в дальнейшей разработке обозначившегося научного направления становится очевидной, равно как не вызывают сомнения и его эвристические возможности, перспективность. Можно допустить, что обозначенная проблематика составит содержание лингвокультурологии, контуры которой все более четко вырисовываются в лингвистической науке. Возможно, формирующуюся науку логичнее обозначить как культуролингвистика, предметом которой является изучение языковых явлений в контексте культуры. Она призвана исследовать и описать взаимодействие языка и культуры не только в ее этнических формах, но и в формах национальной и общечеловеческой культур. Ее предмет изучается на перекрестке двух фундаментальных наук: языкознания, которое исследует такой атрибут человека, как его языковая способность; и культурологии, которая изучает самосознание человека, его отношение к природе, обществу, истории, науке, религии, искусству и т.п. сферам его материального и духовного бытия, в которых осуществляется поиск и обретение идентичности своего "Я" путем создания, отбора и присвоения тех или иных ценностно значимых для этого ориентиров в качестве мотивов жизнедеятельности. Лингвокультурология – достояние собственно антропологической парадигмы в лингвистике и семиотической – в культурологии, поскольку культуру можно рассматривать как текст, являющийся продуктом коммуникативно-культурных актов субъектов культуры, использующих язык как средство для знаковой ее презентации.

В анализе диалогического взаимодействия культурологический подход, опираясь на действие интердисциплинарных факторов, позволяет трансформировать исследование от оппозиции частных фактов к концептуальному синтезу. Он дает возможность рассматривать ДВ в терминах культурологии, решать методологические вопросы в построении моделей с использованием содержательных и познавательно-ценностных схем, разрабатываемых в рамках культурологической проблематики. Культурологический подход в определенной мере выполняет функцию опережающего отражения ДВ, поскольку моделирует объект, определяет путь к иному его представлению. Последовательная его реализация и ведет к формированию культурологической парадигмы диалогического взаимодействия. Важно подчеркнуть необходимость создания концепции когнитивного подхода при формировании индуктивной обучающей стратегии, основанной на анализе культурных универсалий и оппозиций. При решении дидактических проблем необходимо уйти от усвоения материала на базовом, перцептивном, уровне к высшему – концептуальному – уровню схем, фреймов и прототипов с учетом их качественных отличий в разных культурах

ЛИТЕРАТУРА

- Батенин Н.С. К вопросу о человеческом основании культуры // Российская культура глазами молодых ученых. – СПб., 1994. – Вып.3. – С. 263–268.
- Белоусов В.А. Диалог как форма классической связи // Человек в мире диалога. – Л., 1990. – С. 25–27.
- Белый А. Пути культуры // Вопросы философии. – 1990. – N 11. – С. 81–94.
- Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык. Дискурс. Личность. – Тверь, 1990. – С. 26–31.
- Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знаний. – М.: ИЯЗ АН СССР, 1990. – С. 63–85.
- Глухов Б.А., Щукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. – М., 1993. – 371 с.
- Заикин Г.С. Уровни коммуникативной компетенции // Нормы человеческого общения. – Горький, 1990. – С. 220–221.
- Каган М.С. К вопросу о понимании культуры // Системный подход и гуманитарное знание. – Л., 1991. – С. 141–143.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
- Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 260–276.
- Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. – М., 1995. – 93 с.
- Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 45–54.
- Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С. 50–59.
- Сафонова В.В. Культуроведение и социальное в языковой парадигме. – Воронеж, 1992. – 430 с.
- Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. – М.: Высшая школа, Амскорт интернэшнл, 1991. – 31 с..
- Терехин А.Г. Диалог как способ организации коммуникативного пространства // Человек в мире диалога. – Л., 1990. – С. 64–68.
- Уфимцева Н.В. Русские глазами русских // Язык – система, Язык–текст, Язык – способность. – М., 1995. – С. 242–249.
- Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультурология в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск: Изд-во Саранск, ун-та, 1993. – 124 с.
- Blum-Kulka S., Danet B., Cherson R The language of requesting in Israeli Society// Language and Social Situations.–N.–Y, etc., 1985–h. 113–139.
- Comrie B. Russian// Interrogativity: a colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse lanmguaes. Amsterdam, 1984. – p. 7–46.
- Matsumoto Y. Reexamination of the universality of face: politeness phenomena in Japanese // Journal of pragmatics.– 1988.– Vol. 12.–p. 402–411.
- Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition.– New–York, Oxford: Oxford University Press, 1992.–487 p.
- Wilks Y. Preference Semantics.– Stanford: Stanf. Univ. Press, 1979.–206p. Smith R. Japanese Society: tradition, self and social order.–Cambridge: CUP, 1983.–185 p.